

Свершившуюся трагедию не изменить. Остаётся лишь сделать всё возможное для тех, кто уцелел.

Княгиня склонилась над детьми, разрываясь между ними, и всё не могла решить, кого назвать.

Спустя некоторое время князь произнёс:

— Оставим Цзина.

Рядом с живым Ли Эрланом Ли Гуаньцзин казался куда менее жизнеспособным. Княгиня и сама не понимала, что в ней говорит сильнее — жалость к Ли Гуаньцзину или желание от него избавиться, — но так или иначе, она словно бесом былой понукаемая, кивнула и согласилась.

Ли Эрлан покинул Чанъань в полном довольстве, но постепенно стал замечать неладное: бабка при каждой встрече лицо хмурила, будто не особо его жаловала, а временами в её взгляде и вовсе убийственная тень мелькала. Неужели она ему зло готовит?

Догадки вскоре подтвердились.

Спустя месяц свита вдовствующей княгини достигла границы округа Юйхан. Воины Цяньньювэй передали охрану местному гарнизону Чжэчун, после чего вернулись в Чанъань с докладом. О дальнейшей безопасности должны были заботиться воины гарнизона, а по прибытии в княжескую резиденцию в Цяньтане им ещё и охрану дворца по очереди нести. Князь полагал, что распорядился мудро, но упустил одну важную деталь: Цяньньювэй подчинялись приказам императора, а гарнизон Чжэчун слушался вдовствующую княгиню.

А что, если тот, кто жаждет смерти Ли Эрлана, — вовсе не наёмный убийца, а сама вдовствующая княгиня?

В ту же ночь, как Цяньньювэй удалились, к почтовой станции явилась группа молодых женщин с младенцами на руках — наниматься в кормилицы к Ли Эрлану. Вдовствующая княгиня отобрала несколько, остальным же велела с детьми убираться.

Ли Эрлан проснулся от тряски. Над ним раскинулось звёздное небо, а перед глазами возникло незнакомое женское лицо.

В начале сентября в Цзяннани стояла прекрасная погода, к ночи лишь слегка холодало. Женщина быстро шла в темноте, уже давно оставив позади почтовую станцию. Ли Эрлан почуял недоброе и собрался было в плач удариться, как та вцепилась ему в горло, пригрозив:

— Заплачешь — задушу!

Ли Эрлан уже и губы скривил, и рёв в горле накопил, но под угрозой всё это в комок свернулось, и он срыгнул.

Женщина удивилась:

— Неужто понимаешь?

Ли Эрлан заморгал, не зная, как реагировать.

Та и не ждала ответа, пробормотала про себя:

— Всё-таки княжеский отпрыск, может, от рождения не как все. Ох! Может, небожитель какой

в него вселился? Эх-эх...

— Чего орёшь? — донёлся из темноты строгий голос. — Наследник где?

— Наследника уже на станцию доставила, а на руках у меня — второй господин Ли.

Ли Эрлан узнал голос матушки Чэнь, приближённой вдовствующей княгини, и внутренне взвыл: «Ах ты, старая карга! Значит, подмена! Ведьма старая меня извести задумала!»

— Прикончи, — распорядилась матушка Чэнь, как и ожидалось.

Ли Эрлан уставился на женщину, чувствуя, что та колеблется, и принялся сучить ножками и ручками, настойчиво агукая.

Женщина взглянула на него и нерешительно проговорила:

— Матушка, можно слово молвить?..

— Говори давай, поживей! Мне назад торопиться надо, не задерживай!

— Ребёнок он безоружный, рука на него не поднимается. Да и пока несла, чувствую — умный очень, будто и впрямь понимает. Может, и правда небожитель?..

— Вздор городишь! — оборвала её матушка Чэнь. — Будь небожитель, так в наследника вселился бы, а не в него!

— Так, так, не тем болтаю, — поспешно согласилась женщина, но тут же добавила:

— Но коль наследник наш небожитель, добродетели в нём, поди, не счесть. Убью я ребёнка — как на наследнике это отразится?

— Ты что, совсем? Не хочешь дело делать — так и скажи, не морочь мне голову потусторонщиной!

— Не смею, не смею. Оставим небожителей, к делу вернёмся. Я и сама думаю, что убивать не стоит.

Матушку Чэнь её слова слегка задели, и она спросила:

— Это ещё что значит?

— Матушка, прикиньте: ребёнок-то — второй княжеский сын, особа высочайшая. Наследник его имя принял, да только лицом не вышел. Пройдёт двадцать лет, князь на наследника глянет — заподозрит неладное. Начнёт следствие, нам всем тогда не сносить головы!

Ли Эрлан с её логикой полностью согласился.

Матушка Чэнь фыркнула:

— Значит, страшишься. Не можешь — я сама. Но смотри: возьмусь я за дело — тебе двадцать лет ждать не придётся, по возвращении конец тебе!

— Понимаю. Просто, глядя, какой ребёнок смыслённый, одну легенду вспомнила.

— Кончишь ты когда-нибудь? — раздражённо буркнула матушка Чэнь.

— Слыхали про наставника Сюаньцзана, как он на свет появился? — Женщина махнула рукой в сторону реки. — Можем и не убивать, но и живым не оставлять. Поступим, как мать Сюаньцзана: в деревянную лохань его да в реку. Плыви куда вынесет — жить или умереть, воля небес. Выживет — никто не узнает, кто он. Утонет — небо на наследника не прогневается. А князь, если когда расследовать начнёт, — мы скажем, что шанс на жизнь ему дали.

Ли Эрлан едва не захлопал в ладоши: «Ну ты даёшь, мать твою! Лохань в реку — выжить шансов чуть!»

Матушка Чэнь, разумеется, тоже понимала, что шансы мизерны, но доводы кормилицы звучали разумно, и она сдалась:

— Ступай к крестьянам, лохань купи да тряпок для пелёнок прихвати. Я тут подожду.

Ли Эрлан онемел от ужаса, но сопротивляться не смел — а то и этот жалкий шанс, что за него выторговали, упустит.

Спустя полчаса деревянная лохань с перепуганным Ли Эрланом внутри закачалась на водах реки Цяньтан.

По реке Цяньтан неспешно плыла лодчонка, рассекая рябь по зеркальной глади. В отражении мерцали звёзды — картина выходила на редкость поэтичная. Лодочник не удержался и продекламировал:

— Ночное небо в речных водах — и звёзд обратный ход!

На носу, поджав губы, стоял мужчина средних лет в простой холщовой одежде.

— И стишки ещё читает! — проворчал он.

Лодочник усмехнулся:

— Стишки читать — день, ругаться — тоже день. Так чего ж себе в удовольствии отказывать?

— Тебе хорошо — вёслами махать, ни о чём не думать!

Лодочник, не обращая на его слова внимания, продолжал наслаждаться красотами вокруг.

Мужчина нахмурился, какое-то время задумчиво смотрел вдаль, потом перевёл взгляд в трюм — видимо, дилемма его мучила.

Лодочник, заметив это, спросил:

— Рана не заживает?

Мужчина мотнул головой:

— Рубили что есть силы — от скулы до подбородка. Да ещё чем-то присыпали, никак не затянется. В таком виде продавать — кто купит?

— Левая щека — красавица редкостная, за тысячи золотых отдадут. Жаль...

— Ты не видел! — фыркнул мужчина. — Правая щека на днях гноиться начала, смотреть противно! Кабы не велели живой доставить, давно бы в реку швырнул!

— Заказчик твой тоже чудак: большие деньги платит, чтобы девку за бесценок сбыть.

— Думаешь, нажиться хочет? Грязное бельё знатных домов — вот что это!

Лодочник вздохнул, подумал и предупредил:

— Лекарство-то дал? Как бы силы не набрала да не сбежала.

— Какое там лекарство! Всё в бегах, где я его возьму? Да и не бойся: последние дни она и ложку-то поднять не может, действие зелья ещё не прошло. Да и река Цяньтан широка — будь она хоть здоровая, до берега не доплывёт.

Пока они переговаривались, лодочник вдруг почувствовал лёгкий толчок. Присмотрелся — вода вокруг спокойна. Решил, что от звёзд в глазах рябит, и, чтобы мужчину лишний раз не тревожить, продолжил грести на восток.

Когда лодка отплыла достаточно далеко, на поверхности воды вновь возникло движение. Сначала несколько пузырьков, а затем показалась человеческая голова, жадно хватая воздух, — видно, от духоты измучилась. Свет, упавший на её лицо, открыл левую щёку — прекрасную, как цветок, и правую — с грубым длинным шрамом, пересекающим добрую половину лица, что делало её облик поистине ужасающим.

<http://bllate.org/book/15944/1425670>